

П. В. Линтур

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАКАРПАТЬЕ

Советское Закарпатье за прошедшие двадцать с лишним лет сделало огромный шаг вперед в развитии материальной и духовной культуры населения. Села и деревни стали неузнаваемы. Не только в плодородных долинах Тиссы и ее правых притоков, но и на Верховине курные избы под соломенной крышей сменились домами городского типа, появились благоустроенные улицы, светлые и просторные кирпичные здания школ, сельсоветов, клубов, сельмагов, чайных и столовых. Коренным образом изменился домашний быт. Железные плиты и кафельные печи вытеснили старинные праславянские печи, современная мебель — самодельные нары, лавицы, лады, столы. Нет уже допотопной глиняной и деревянной посуды. «Токан» (мамалыга), «ошпиок» (овсяные лепешки), твердый, как камень, кукурузный хлеб, являвшиеся почти единственной пищей крестьянина, отошли в область преданий.

Подлинная революция произошла и в культурной жизни Закарпатья. Край, где вплоть до первой мировой войны не было иной интеллигенции, кроме церковной (приходские священники, монахи, дячки), где накануне второй мировой войны работали всего четыре гимназии, две учительские семинарии, один торговый техникум и десяток «горожанских» школ, покрылся густой сетью учебных заведений. По данным 1965 г. в Закарпатье насчитывается 281 начальная, 349 восьмилетних, 125 средних, 12 специальных средних школ¹. Университет в Ужгороде имеет уже 11 факультетов, 10 000 студентов, 500 преподавателей.

Закарпатье представляет исключительный интерес как объект исследования для историков, этнографов, языковедов, литературоведов и, конечно, фольклористов, которые найдут здесь ценный материал.

На обширной территории, заселенной славянами (от Адриатического моря до Тихого океана), есть области, отличающиеся особым богатством устного творчества: Македония, Прикарпатье, Силезия, Полесье. Для историко-сравнительного изучения они очень интересны, так как тут скрещиваются фольклорные традиции нескольких славянских народов.

Смежную этнографическую полосу образует большой Карпатский полукруг от Высоких Татр до Трансильванских гор. Польские, украинские, чехословацкие и другие ученые уделили особое внимание этой местности, отметив богатство и разнообразие устного творчества населяющих ее народов.

Одна часть этого Карпатского полукруга — Закарпатье — граничит на северо-западе с Польшей, на западе — с Чехословакией, на юге — с Венгрией и на юго-востоке — с Румынией. В Закарпатье вперемишу с украинским населением жило немецкое, местами болгарское и сербохорватское (колонисты), значителен процент евреев и цыган.

Отнесенные в дремучие леса и высокие недоступные горы закарпатские украинцы сохранили элементы праславянской культуры, анимистические верования, космогонические сказания, заговоры-заклинания, календарные и семейно-бытовые обряды и песни, волшебные сказки, старинные предания, ларо-эпические песни и другие жанры устного творчества. Чужеземные власти стремились убить в них сознание нерасторжимого единства с единокровными братьями на Востоке, однако русины² упорно сопротивлялись всем попыткам денационализации и хранили свою народную культуру.

Закарпатье до 1945 г. было, несомненно, самым отсталым уголком Центральной Европы, но вследствие своей изолированности лучше других украинских областей сохранило фольклорные традиции Киевской Руси.

Когда весной 1939 г. после развала буржуазной Чехословакии венгерские захватчики вторично оккупировали Закарпатье, установив режим неслыханного террора, жестоко преследуя всякое проявление симпатий к Советскому Союзу, народ в самозащите стал еще больше любить свое устно-поэтическое творчество.

¹ Статзвіт Закарпатського облвню, ф-РВК, № 75 за 1964/65 начв. рік.

² Закарпатцы до сих пор называют себя этим древнерусским именем.

Нам довелось прожить четыре тревожных года (1940—1944) в селах Хустского и Мукачевского районов и наблюдать необыкновенное оживление устного творчества, определенное возрождение опришковского эпоса. Старинные песни и сказания о народных мстителях — Пинте, Доббуше, Шугае — зазвучали по-новому, в них послышались злободневные призывы к борьбе с немецкими фашистами. Даже обстановка волшебных сказок с их бессмертными героями, которые побеждают страшных чудовищ, многоголовых змей и драконов, становилась понятнее, ближе и перекликалась с современными событиями.

Кроме этих произведений, нам удалось записать также народные заговоры-заклинания и так называемые «ложные» молитвы. Записи проводились в нескольких селах, но особенно плодотворно — в с. Горонда Мукачевского района, уроженцем которого я являюсь и в с. Нанково Хустского района, — родном селе жены.

Заговоры-заклинания, этот древнейший жанр устного творчества, отмирал уже тогда (1940—1944). Теперь он исчез почти полностью. Только в 1958 г. в с. Макарево Мукачевского района старик «ветеринарий», как его называли, Иван Иванович Лазар, а в 1962 г. в с. Синевир Межгорского района — 76-летний Василий Михайлович Дебель сообщили мне несколько заклинательных формул (против укуса змеи, против «жабы» — опухоль на языке, против «жовны» — нарыв на челюсти). Оба старика, побывав на ветеринарных курсах, работают теперь колхозными ветеринарами, но раньше они были знахарями, «баяли», «помогали худоби». В. М. Дебель охотно продиктовал мне заклинательные формулы, не считая их секретом. Однако чистосердечно признался, что, делая операции, он еще и теперь шепотом читает заклинания, и уверял, что это помогает делу.

Календарная и семейно-бытовая обрядовая поэзия Закарпаття — яркий показатель крепких исторических связей русинов с Киевской Русью. Угорская Русь, захваченная в начале XI в. венгерскими феодалами, а до этого входившая в политические рамки Киевского государства³, сберегла древнюю восточнославянскую культуру. В ее обрядовой поэзии, оказавшейся наиболее консервативным жанром устного творчества, отчетливо прослеживаются элементы этой культуры. Колядные обряды и песни, свадебные обряды и песни, похоронные обряды и причитания — древнейший пласт закарпатского фольклора, образовавшийся в период формирования древнерусской народности.

Советские ученые правильно подчеркивают историческое значение былинного эпоса как величественного памятника древней Руси, созданного народным гением всех восточных славян. Но очень неопределенно и редко они говорят о другом, не менее ценном памятнике — обрядовой поэзии, которая является творчеством действительно всех восточнославянских племен, отличается высокими литературно-эстетическими достоинствами и как культурно-исторический первоисточник не уступает героическому эпосу.

О циклах календарной и семейно-бытовой обрядовой поэзии написано много трудов (А. Веселовский, А. Потебня и др.), однако ее мало изучали с точки зрения этногенеза восточных славян, как памятник той эпохи, когда восточнославянские племена составляли этническую общность.

Не приходится оспаривать факт постепенного «потухания» обрядовой поэзии в Советском Закарпатье. Процесс этот начался задолго до воссоединения с Советской Украиной (1945 г.), но в последнее время проходит ускоренным темпом. Главная причина этого — в быстром и широком распространении народного образования и просвещения, в приобщении широких масс крестьянства к науке и культуре. Некоторые циклы календарной обрядовой поэзии — весенний, летний и осенний — начали отмирать еще в эпоху разложения феодально-крепостнических отношений, о чем говорит слабое отражение их в фольклорных сборниках второй половины XIX в. Все же в горных районах они сохранились (правда, в обломках) вплоть до второй мировой войны. В наши дни они полностью исчезли.

Из видов семейно-бытовой поэзии исчезли также крестильные обряды и песни. До наших дней сохранились колядные и свадебные обряды и песни, похоронные обряды и причитания. В 1940—1965 годах нами записано около 200 новых вариантов старинных колядных песен⁴, три десятка вариантов народной свадьбы и серия похоронных обычаев. Эта поэзия лучше сохранилась в горных селениях, например, на Верховине и в Мармароше⁵, а в равнинных — в окрестностях Ужгорода, Мукачева и Берегова ее уже почти нет. Коляду вытесняет праздник новогодней елки, который проник в дома не только интеллигенции, но и колхозников и рабочих. Старинный свадебный обряд заменяется комсомольской свадьбой.

Вымирание календарной и семейно-бытовой обрядовой поэзии органически связано с изменением народного мировоззрения и мировосприятия. С того момента, как кре-

³ М. М. Лелекач, Про принадлежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст. ст., «Наукові записки УжДУ», № II, історико-філологічна серія, Ужгород, 1949.

⁴ Часть этих записей опубликована, см. П. В. Линтур, Угро-русские коляды, Ужгород, 1942.

⁵ Мармораш — восточные районы области.

стынний-хлебороб потерял веру в магический смысл обрядов, наступает их разрушение. Сегодня не только молодежь, получившая воспитание при Советской власти, но даже люди среднего возраста не понимают сельскохозяйственного значения календарных и семейно-бытовых обрядов, поэтому легко забывают их. Справлять свадьбу «по-старому» теперь считается признаком культурной отсталости.

Закарпатский фольклор своеобразен и богат жанрами. Одной из самых больших его ценностей являются сказки и легенды. Еще Владимир Гнатюк восхищался талантливостью и широким диапазоном местных сказочников и выделял среди них таких первоклассных мастеров как Михайло Пустай из с. Збуй (Пряшевщина), Михайло Фотул из с. Строино и Микола Порць из с. Дусино Свалявского района, Осиф Кулич и Иври Фаркаш из с. Куцура Бач-Бодрогского комитета (ныне Югославия) и др. В его шеститомных «Этнографических материалах из Угорской Руси»⁶ сказки и легенды составляют 90% текстов.

Наши записи сделаны через 50—70 лет после Гнатюка и показывают современное состояние сказочной традиции Закарпатья.

В высшей степени интересно сравнивать сказки В. Гнатюка, записанные им в 1896 г., с новыми вариантами, записанными в 1950—1965 гг., и изучать изменения, которые произошли в тексте, сюжете, отдельных мотивах, в композиции, идейном содержании и художественной форме. Мы пошли буквально по следам выдающегося украинского фольклориста и стремились собрать материал в тех же селах от сыновей и внуков тех же сказочников. И теперь можем сопоставить те же сюжеты в исполнении отцов — народных мастеров прошлого века и их детей⁷. Живой интерес к народной сказке питают и дети, и взрослые. Сказка в Советском Закарпатье живет полнокровной жизнью.

Приступая к сбору сказочного материала, мы ставили перед собой две основные задачи: 1) записать сказочный репертуар одного села и 2) выявить сказочный репертуар области.

Типичным закарпатским селом является, на наш взгляд, Горинчево — большое село Хрустского района, расположенное в узкой долине Реки — правого притока Тиссы. Записывать горинчевских сказочников мы начали еще в 1945 г. во время приезда в Закарпатье комплексной фольклорной экспедиции под руководством П. Г. Богатырева. В течение 15 лет удалось выявить семь очень одаренных и несколько рядовых сказочников и записать их репертуар. Всего в Горинчеве записано 300 текстов (с вариантами). При этом от Андрея Калина записано 120 сказочных сюжетов; от Юры Тегза-Порадюка — 30, от Томи Плешинца — 35, от Ивана Дилинко — 15, от Юры Ревты — 40, от Василя Холода — 50.

В возрастном отношении горинчевские сказочники делятся: на старшее поколение (65—80 лет) — Митро Петрик, Юра Тегза-Порадюк, Юра Ревть, Иван Дилинко; среднее (40—60 лет) — Тома Плешинец, Андрей Калин, Михайло Шовак и др. и на младшее поколение (30—40 лет) — Юра Митрович, Василь Холод, Василь Петрик — сын, Андрей Калин — сын, Анна Плешинец — дочка, и др.

Среди них выделяется талантливый сказочник Андрей Калин, получивший известность далеко за пределами своей области⁸.

В беседе с нами А. Калин назвал своих «учителей» — тех местных сказочников, у которых он в детстве учился искусству слова. Это — Юра Тегза-Порадюк, Митро Петрик, Юра Ревть, Иван Дилинко. Работая с Калиным, мы одновременно записывали и их репертуар. Позже мы записали сотню текстов от сверстников А. Калина (Т. Плешинца, М. Шовака и др.) и от младшего поколения горинчевских сказочников (Юры Митровича, Василя Холода, Василя Петрика — сына, Андрея Калина — сына и др.).

В результате кропотливой собирательской работы предоставилась возможность проследить историческую жизнь сказки в одном и том же населенном пункте в устах трех поколений. Изучение сказочного репертуара одного села позволяет поставить следующие важные вопросы: 1. Как передаются сказочные сюжеты от поколения к поко-

⁶ «Етнографічні матеріали з Угорської Русі, зібрав Володимир Гнатюк», тт. I—VI, Львов, 1898, 1898, 1900, 1909, 1910, 1911.

⁷ Важную проблему традиции и новаторства мы поднимали в прежних своих работах, анализируя творчество таких мастеров как Андрей Калин и Михайло Галица. П. Линтур, Закарпатский сказочник А. Калин. К проблеме традиции и новаторства в устном народном творчестве, «Наукові Записки УжДУ», т. XXIV, Ужгород, 1957, стр. 45—73; Сб. «Казки зелених гір», вступительная статья «Казкар Михайло Галиця», Ужгород, 1965.

⁸ Сказки А. Калина много раз публиковались на украинском, русском и чешском языках: «Закарпатські казки А. Калина», Ужгород, 1955 (тот же сб. вышел на русском языке в 1957 г.); «Мастер Иванко», М., 1960; «Казакі Верховини», Ужгород, 1960 (тот же сб. вышел и на русском яз.). О творчестве А. Калина есть серия критических статей: см. «Zakarpatské pohádky Andrija Kalyna, uspořádal P. Lintur», Praha, 1958; рецензия Комаровского в ж. «Slovensky narodopis», VI (1958), № 5.

лению и какие изменения происходят при этом в композиции, стиле, образной системе сказки. 2. Сколько бытует в одном селе неповторяющихся сюжетов и какие наиболее распространены. 3. Какие сказочные жанры преобладают. 4. Сколько талантливых мастеров. 5. Каково отношение выдающихся мастеров к традиции. 6. В чем проявляется личное начало, импровизаторский дар сказочника. 7. Как отражается в сказке мировоззрение сказочника и среды. 8. Как сказочник реагирует на окружающую его действительность. 9. Как создается композиция сказки. 10. Как создаются образы, и др.

Конечно, 300 текстов, записанных нами в Горинчеве, не исчерпывают весь сказочный репертуар этого села. Однако можно все же говорить о сравнительной полноте охвата материала, позволяющей судить о сказочной традиции села.

Если нелегко полностью исчерпать репертуар одного села, то гораздо труднее сделать это по отношению к району и целой области. Поставленная нами задача — записать сказочный репертуар Закарпатской области — под силу только коллективу фольклористов. Большую помощь в этом оказывают студенты-филологи Ужгородского университета. Некоторые из них, в первую очередь местные уроженцы, хорошо знающие диалект родного села и обстановку, в своих работах (курсовых, дипломных) дают весьма качественный материал. А с 1960 г., после введения в вузах фольклорной практики, студенты в конце первого курса выезжают в районы для записи фольклора. В итоге шестью такими экспедициями, в которых обычно принимает участие 40—45 человек, были охвачены почти все районы области. И теперь мы имеем конкретное представление о современном состоянии устной традиции и о новых процессах в фольклоре Советского Закарпатья.

Вот данные по собиранию и предварительной систематизации сказочного творчества всей области. Охвачены все 13 районов Закарпатья. Записано свыше 1500 текстов. В Хустском районе — 344, Иршавском — 250, Мукачевском — 160, Перечинском — 124, Тячевском — 110, Виноградковском — 110, Свалявском — 90, Межгорском — 75, Раховском — 73, Велико-Березнянском — 72, в остальных меньше.

Сказочников выявлено около 80. Среди них отличаются широким диапазоном, богатством и разнообразием репертуара, мастерством исполнения, композиции и созданием живого образа 20 крупнейших мастеров, репертуар которых мы записали. Это четыре вышеупомянутых горинчевских мастера (А. Калин, Ю. Тегза-Порадюк, Т. Плешинец и И. Дилинко), а также Михайло Галица⁹ из с. Дулово Тячевского р-на — 35 сюжетов; Василь Королович из с. Страбичево Мукачевского р-на — 73; Федор Кость-Скубенич из с. Турья-Ремета Перечинского р-на — 50; Василь Заяц из с. Черный Поток Иршавского р-на — 45; Анна Васыко из с. Заречье Иршавского р-на — 40; Иван Ильтьо из с. Доробратово Мукачевского р-на — 60; Андрей Грига из с. Керещки, Свалявского р-на — 35; Иван Мориляк из с. Плоское Свалявского р-на — 40; Юра Гебриян из с. Люта Вел. Березнянского р-на — 31; Иван Лазарь из с. Макарево Мукачевского р-на — 40; Михайло Гандера из с. Сирма Виноградковского р-на — 30; Иван Теличка из с. Репинное Межгорского р-на — 25; Иван Костюк из с. Черная Тиса Раховского р-на — 35; Василь Шельма из с. Заречье Иршавского р-на — 35; Василь Феер из с. Широке Виноградковского р-на — 55 и Анна Суханич из с. Раков Перечинского р-на — 20 сюжетов.

Большой интерес представляют творческие биографии сказочников. Это — живая история края, его многострадального населения. Эти биографии также приоткрывают дверь в мастерскую народного художника. Так, старейший из горинчевских сказочников Митро Петрик в 1914 г. при наступлении русских войск на Львов попал в плен и пять лет работал в Омской губернии. Здесь он слушал сказки сибирских сказочников и усвоил их репертуар, между прочим, сюжет о Еруслане Лазаревиче, до сих пор не зафиксированный на Правобережной Украине. Земляк Петрика Юра Ревть находился в русском плену в Полтавской губернии и слушал украинских сказочников. Тома Плешинец жил на Кавказе. Иван Ильтьо попал на Байкал и в Иркутске встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию; после окончания гражданской войны он добирался домой через Суэцкий канал вокруг Азии.

Учитель Калина — Юра Тегза провел молодость в Боснии и Герцеговине, где работал на лесозаготовках и слушал балканские сказки и юнацкие песни. Он рассказывал о Королевиче Марко. Иршавский сказочник Михаил Фельдан во время первой мировой войны очутился в Турции, побывал в Малой Азии, Сирии, Палестине и Египте. Длинный жизненный путь прошел тячевский сказочник Михаил Галица, поразивший нас своим широким кругозором, огромным житейским опытом, обширными познаниями. Галица с 13 лет скитался по миру в поисках куска хлеба. Провел несколько лет в лесах и горах Польши и Галиции, работал на железной дороге в Боснии (здесь он усвоил южнославянские сюжеты), в угольных шахтах в Америке. В 1914 г. его мобилизовали в австрийскую армию и как профессионального рабочего-шахтера отпра-

⁹ Сказки Галицы вышли отдельным сборником: «Казки зеленых гір. Запись текстів П. Лінтура», Ужгород, 1965.

вили в город Шалготарьян. Здесь он подружился с венгерскими рабочими и, когда вспыхнула венгерская революция 1919 г., принял в ней активное участие. После воссоединения Закарпатья с Советской Украиной он 10 лет работал на строительстве Рикско-Тереблянской ГЭС. Галица знает десяток языков.

Репертуар названных сказочников различен. Андрей Калин, Михаил Галица, Василь Королович, Василь Заяц, Юра Тегза-Пораджок — сказочники-универсалы, рассказывающие с одинаковым мастерством волшебные, легендарные, новеллистические сказки, исторические предания и т. д. Иван Дилинко, Анна Васыко, Василина Турок — сказочники-эпики, рисующие широкую эпическую картину. Юра Гебриян, Иван Лазарь, Тома Плешинец, Василь Феер — мастера сатирического жанра, чувствующие себя свободно в социально-бытовой и анекдотической сказке. Федор Кость-Скубенич предпочитает сюжеты с философским нравоучительным уклоном. А Иван Ильтьо выделяется в жанре исторического предания и реалистического рассказа.

Изучение собранного материала будет способствовать решению таких важнейших проблем как исторические связи закарпатской сказки с общеукраинской и русской, творчества Закарпатья с западнославянским и южнославянским фольклором (западнославянские мотивы звучат в репертуаре сказочников Ю. Гебрияна, Ф. Кость-Скубенича, А. Суханича, т. е. сказочников, живущих на словачкой этнографической границе, южнославянские мотивы встречаются в творчестве М. Галицы и Ю. Тегзы, побывавших в Боснии и Герцеговине); фольклорных связей Закарпатья с Венгрией (некоторые сказочники, такие как Василь Королевич и Михайло Гандера, выросшие в селах на венгерской этнографической границе, рассказывают на двух языках); украинско-румынских фольклорных связей, проблему традиции и импровизаторства и т. п.

Анализируя репертуар современных сказочников Закарпатья, мы приходим к выводу, что в фольклоре совершается непрерывный творческий процесс. Одаренный сказочник не повторяет старого сюжета, но по-своему осмысляет его идейное содержание, строит композицию и создает образы. Механически повторяя традицию сказочники-ремесленники, лишенные поэтического дарования. Буржуазные и некоторые советские ученые допускают грубейшую ошибку, строя свои выводы на основании записей от подобных ремесленников. Гонясь за количеством, исходными сюжетами и параллелями, они фактически занимаются статистикой и игнорируют творческую личность народного сказочника. Отрицание творческой индивидуальности народного мастера порождает формалистический подход к фольклору, состоящий в том, что собиратель записывает все, что попадает ему под руку, а исследователь без разбора изучает эти сомнительные материалы.

Итак, широкое бытование народной сказки и легенды, наблюдаемое нами во всех селах и районах области, выявление большого числа талантливых мастеров старшего и младшего возраста, запись полторы тысячи текстов, повышенный интерес слушателей к исполнению сказки — все это утверждает нас в мысли, что в Закарпатье и сейчас народная сказка живет полнокровной жизнью.

Предпринимая фольклорные экспедиции — индивидуальные и коллективные — в различные районы Закарпатья, мы ставили перед собой задачу проверить бытование и эпической песни на современном этапе ее исторического развития.

Как известно, в средневропейских странах героический эпос не сохранился. Зато здесь были записаны в большом количестве лиро-эпические жанры — баллады и исторические песни. Балладные песни восполняют отсутствие у поляков, чехов, словаков, венгров героического эпоса, поэтому их удельный вес в устном творчестве названных народов очень велик.

В прикарпатских украинских областях до сих пор также не удалось выявить героические песни наподобие дум и былин, но здесь богато представлены баллады.

Поисками лиро-эпической песни мы занимались в 1940—1944 годах и тогда записали свыше 100 новых текстов, впоследствии зафиксировали еще несколько сотен песен. Сегодня в нашем распоряжении имеется свыше 700 текстов — материал, на основании которого можно делать некоторые обобщения.

Собирательская практика показала, что балладные песни и в наши дни широко распространены в селах Закарпатья. Поют эти песни преимущественно женщины, но знают их и мужчины, причем не только женщины и мужчины пожилого возраста, но и молодежь.

Из 700 народных баллад около 150 — неповторяющиеся сюжеты, остальные — варианты. Большую часть составляют старинные сюжеты, которые бытуют в многочисленных вариантах, новые — в ограниченном числе вариантов.

Мы зафиксировали такие классические балладные мотивы, как: «превращение человека в дерево или птицу вследствие „заклятия“» (21 вариант), мотив кровосмешения (9 вариантов), сестра-отравительница (45 вариантов); мать-отравительница (25 вариантов), «тройзилия» (48 вариантов), девушка чарами губит парня (70 вариантов), жестокосердная мать причиняет смерть влюбленным (30 вариантов), убийство внебрачного ребенка (35 вариантов), убийство жены по наговору любовницы (45 вариантов) и многие другие.

Записаны балладные мотивы, типично западнославянские, не встречающиеся в центральных и восточных областях Украины: отравление девушки на свадьбе, замураванная милая, жена разбойника, отправление на войну дочки вместо сына, дочка кузнеца, сокол и горлица, испытание верности жены, жених-мертвец, «з пекла младенец», Янчия ведут к виселице, Янчи под виселицей...

По сравнению с балладной, историческая песня распространена меньше, но все же нам удалось выявить и записать такие исторические песни, как: о взятии турками Царьграда (1453 г.) и о порабощении христианского населения (5 вариантов), о насильственном угоне мирного населения в турецкое рабство (3 варианта), об отправлении на войну с турками сына или брата (7 вариантов), об умирающем от тяжелых ран солдате и прощающемся со своим конем (12 вариантов), о походе австрийской армии вниз по Дунаю и о кровавой битве под Белградом (3 варианта), о русско-турецких войнах (4 варианта) и др.

Записаны эпические песни от исполнителей различного возраста и, таким образом, можно наблюдать их жизнь в устах трех поколений певцов: старшего (свыше 60 лет), среднего (до 50 лет) и младшего (до 40 лет).

Представители старшего поколения: Василий Курах (76-лет, с. Нижние Ворота Воловецкого района) знает много эпических и традиционных лирических песен, сказок, легенд, исторических преданий, анекдотов. Это типичный певец-эпик с широким диапазоном; он спел самый полный текст песни о Довбуше, песни «Ой, не ходи, Грицю», серию высокохудожественных классических баллад.

Иван Керенович (78 лет, с. Заперицля Межгорского района) — талантливый певец, спел серию исторических песен, классических баллад и традиционных лирических песен. Агафья Савчук (68 лет, с. Луги Раховского района) — отличная певица с обширным репертуаром эпических и лирических песен; от нее мы записали полтора десятка классических баллад. Анна Суханич (65 лет, с. Раков Перечинского района) — одаренная певица и сказочница.

Представители среднего поколения: Анна Юрашова-Демянчук (50 лет, с. Ботдан Раховского района) — темпераментная певица, исполнившая задушевым голосом балладные песни о разлуке голубки с голубем, о чабане, «тройзилля», о смерти Довбуша, длинную эпическую песню «Ильяна» и десяток других. Анна Зейка (с. Хуста) — обладающая прекрасным голосом и обширным репертуаром (от нее записано два десятка балладных и серия исторических песен). Мария Тырлич (с. Турья-Поляна Перечинского района) в словачьем селе Гута, где прошла ее молодость, усвоила много словачьих песен; в ее обширном репертуаре три десятка балладных и серия исторических песен. Василина Беля (с. Заперицля) — прекрасная исполнительница коломыек, но знает также эпические песни. Иван В. Бигарь (с. Репинное Межгорского района) — талантливый певец-импровизатор с обширным репертуаром эпических и традиционных лирических песен. Записано от него на магнитофонную ленту свыше 30 баллад.

Представители младшего поколения: Гафия Пацан (с. Ричка Межгорского района) — солистка самодеятельного хора, прекрасная певица и исполнительница, обладающая обширным репертуаром эпических и лирических песен, традиционных и современных. Мы записали от нее 40 балладных сюжетов и серию исторических песен. Мария Пукман (с. Турья-Поляна), как и ее землячка М. Тырлич, знает много словачьих, украинских и русских песен; от нее мы записали полтора десятка балладных и ряд исторических песен. Поланя Марфинец (с. Керечки Свалявского района) исполнила серию классических баллад, знает много традиционных и современных лирических песен и др.

Представители старшего поколения народных певцов исполняют преимущественно традиционные сюжеты, а младшего — сочетают традицию с современностью, отдавая предпочтение последней. Однако наиболее одаренные молодые певицы, такие как Гафия Пацан и Мария Пукман, хорошо знают и традиционные песни.

Широкое бытование старинных балладных и исторических песен в среде молодежи говорит о хорошо сохранившейся песенной традиции. Не только старики и люди зрелого возраста, но и девушки и молодые пары знают эпические сюжеты. Как известно, эпическая традиция на Балканском п-ове, на Кавказе, в Средней Азии и даже на Украине передавалась почти исключительно мужчинами. В России сказительницами былины являлись также и женщины. В Закарпатье эпические песни исполняются и женщинами и мужчинами, но чаще первыми. Здесь надо учитывать особенность бытования балладных песен, которые, по свидетельству Вука Караджича, и у южных славян поются женщинами.

Кроме обрядовой поэзии, сказок и эпических песен, нами собраны в Закарпатье значительное число традиционных лирических песен и коломыек, пословиц, поговорок, загадок, репертуара народного театра — «вертепа», современных песен.

Осенью 1945 г. вековые мечты закарпатцев осуществились; они сделались полноправными членами советской многонациональной семьи. С этого момента их устное творчество начинает приобретать новые черты, обогащаясь новыми мотивами. Все события последних лет: венгерско-немецкая оккупация и массовый уход молодежи в Советский Союз, Великая Отечественная война, партизанское движение, изгнание фа-

шистских захватчиков, воссоединение с единокровными братьями на востоке — украинцами и русскими, коренные преобразования экономической культурной жизни некогда отсталого края — нашли художественное преломление в местном фольклоре.

На первых порах наблюдалось слияние старых элементов с новыми. Для иллюстрации этого явления можно привести пример колядной песни «Нова радость стала», которая, сохраняя традиционную форму, пополнилась новым содержанием. Однако переосмысление традиционных жанров устного творчества — только начало нового процесса. Закарпатский фольклор пополняется новыми произведениями — песнями и коломыйками, пословицами и поговорками, сказами, народными рассказами. Рядом с коломыйкой звучит частушка, раньше здесь совершенно неизвестная. Но ведущим жанром устного творчества Советского Закарпатья становится массовая песня.

Из всего сказанного видно, что в Закарпатье очень устойчива фольклорная традиция. Мы объясняем эту устойчивость условиями исторической жизни края и его географическим положением. Еще в начале XI в., как уже говорилось, венгерские феодалы захватили Угорскую Русь. Ее восточнославянское население, обосновавшись в высоких и малодоступных горах и дремучих лесах, вдали от городских центров, сохранило традиции Киевской Руси. Находясь на стыке западных, южных и восточных славян и имея непосредственные этнографические границы с румынами и мадярами, закарпатские украинцы усвоили богатое устное творчество своих соседей, приумножив тем самым унаследованные от предков сокровища духовной культуры.

Исследуя фольклор таких смежных областей как Закарпатье, ученые могут почерпнуть богатейший фактический материал, необходимый для решения важнейших проблем не только украинской, но и общеславянской науки.
